

Полина
Дашкова

Представляем
романы Полины Дашковой

Вечная ночь

Горлов тупик

Золотой песок

Источник счастья.

Книга первая.

Источник счастья.

Книга вторая. Misterium Tremendum.

Тайна, приводящая в трепет

Источник счастья.

Книга третья. Небо над бездной

Кровь нерожденных

Легкие шаги безумия

Место под солнцем

Никто не заплачет

Образ врага

Пакт

Питомник

Приз

Соотношение сил

Точка невозврата

Херувим

Чеченская марионетка, или Продажные твари

Чувство реальности

Эфирное время

Полина
Дашкова

Литолки

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д21

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Художественное оформление серии — *Андрей Фerez*

Дашкова, Полина Викторовна.

Д21 Питомник : [роман] / Полина Дашкова. — Москва :
Издательство АСТ, 2020. — 448 с. — (Полина Дашкова — лучшая
среди лучших).

ISBN 978-5-17-122173-7

Благими намерениями выстлана дорога в ад. Настоящим адом для подростков-сирот стал семейный детский дом в Подмосковье. «Благодетели», не жалеющие денег на его содержание, с помощью криминальных «учителей» готовят себе достойных помощников, развращая тела и души детей.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-122173-7

© Дашкова П. В., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

*...ибо из всех законов Природы,
возможно, самый замечательный —
выживание слабейших.*

Владимир Набоков*

Глава первая

После бесконечной слякотной зимы с тяжелыми снегопадами, после апрельских заморозков и унылых майских дождей в Москву наконец пришло настоящее лето. Июнь начался ярко, жарко, и каждый солнечный день казался праздником. Ночами гремели грозы, но к рассвету не оставалось ни облачка, восторженно кричали воробьи и сверкающие капли сыпались с деревьев.

В маленьком дорогом кафе в одном из тихих переулков неподалеку от Таганской площади впервые решились выставить три столика на открытую веранду, окруженную старыми липами. Кафе открывалось в полдень, и ровно в полдень явился первый посетитель — мужчина в белом летнем костюме. Он выглядел больным и помятым, словно провел бессонную ночь и утром не умывался.

Переулок был залит солнцем, внутри кафе казалось темно. Посетитель тревожно огляделся, и метрдотель в бабочке предложил ему пройти на веранду. Посетитель кивнул, выбрал столик у ограды и упал на стул так тяжело, что хлипкие алюминиевые ножки подкосились. Если бы не решетка за спиной, он непременно бы рухнул на плиты и расшиб голову. Но решетка спасла, мужчина вскочил, его качнуло, и тут же к нему подлетел испуганный официант.

— Вы не ушиблись? — спросил он, придержав посетителя за локоть и заглянув в глаза. Официанту показалось, что гость пьян, ноздри его затрепетали, профессионально пригнувшись. Но пахло только хорошим одеколоном. Льняной костюм был измят и несвеж, однако выглядел дорого, и ботинки не вызвали сомнений. Офици-

* В. Набоков. Лекции по русской литературе.

ант всегда сначала нюхал подозрительных посетителей, потом смотрел на обувь.

— Мне надо сесть. Стул сломан, — произнес гость тяжелым отрывистым басом.

— Вот, пожалуйста, присаживайтесь, — официант пододвинул ему другой стул и смахнул с белоснежной скатерти невидимые крошки. Гость уселся, задрал рукав и взглянул на хорошие швейцарские часы.

Безусловно, посетитель был приличным человеком, но все-таки выглядел странно.

Есть известная детская игра, когда один рисует голову, другой — туловище, третий — ноги, потом листок разворачивают и смотрят, что получилось. Человек в белом костюме состоял из таких, вслепую нарисованных частей. Голова его была слишком велика для хрупкой шеи, узкие худые плечи никак не соответствовали массивной нижней части туловища, которая, в свою очередь, контрастировала с журавлиными ногами и широкими плоскими ступнями сорок пятого размера. Светло-желтые волосы, несмотря на тонкость и мягкость, упрямо торчали в разные стороны, как перышки мокрого цыпленка. Круглое лицо, украшенное маленьким упругим носиком и большими, выпуклыми шоколадными глазами, сохранило детские пропорции, и если бы не тяжелый, почти стариковский бас, можно было бы принять его за нездорового сонного подростка.

Тени дрожащих липовых листьев падали на скатерть, осыпали костюм, лицо и руки посетителя крупной нервной рябью, и оттого казалось, что человека колотит лихорадка. Не раскрывая книжки меню, он рывкнул громко и грубо:

— Кофе!

— Эспрессо? Капучино? По-восточному? — ласково уточнил официант.

— По-восточному. Крепкий и сладкий. — Мужчина вдруг вскочил как ошпаренный и закричал: — Лиля! Я здесь!

Официант оглянулся. На веранде появилась женщина лет тридцати пяти, маленькая аккуратная блондинка в бело-розовом платье. Легко процокали острые каблочки белых туфель, пахнуло жасмином,

и официант отметил про себя, что дама пользуется старомодными, но приятными духами «Диориссимо».

— Привет, — сказала блондинка, бережно расправила платье и села напротив мужчины. Светлые брови сдвинулись, уголки свежего пухлого рта опустились вниз, приятное круглое лицо стало напряженным. Было заметно, что она совсем не рада встрече. Официант вернулся к столу и вопросительно взглянул на женщину.

— Лиля, что тебе заказать? — Мужчина оскалил в улыбке прокуренные крупные зубы.

— Ничего. Просто стакан воды. Минеральной, без газа.

— Может, кофе? — предложил официант.

— Спасибо, не надо.

— Вот, я принес тебе, чтобы ты посмотрела, где я работаю, — пробормотал мужчина. Он принялся неловко рыться в мягкой кожаной сумке и наконец извлек глянцевого толстого журнала. На обложке под кровавым названием «Блюм» извивалась обнаженная лысая девушка, отлитая из ртути.

— Спасибо. — Блондинка машинально пролистала страницы и вдруг замерла, вскинув на мужчину светло-серые прозрачные глаза. В руках у нее был белый плотный конверт, который она обнаружила между страницами. — Что это? — спросила она грозно.

— А ты открой, посмотри. — Лицо его растянулось в глупой улыбке.

Блондинка заглянула в конверт, тут же бросила его на стол и резко встала:

— Все, нам не о чем разговаривать.

— Лиля, подожди, ты что?! — испугался он и схватил ее за руку. — Ну на фиг ты выпендриваешься, а? Тебе бабки не нужны? Или, может, мало? Ты хотя бы посчитай.

— Во-первых, разговаривай со мной по-человечески, тебе не пятнадцать лет. Во-вторых, убери это, на нас смотрят. — Она покосилась на официанта, который замер у столика с бутылкой воды на подносе.

— Сядь, пожалуйста, очень тебя прошу, сядь. Ты разве не видишь, как мне плохо? — жалобно простонал мужчина.

— Тебе всегда плохо, — сердито заметила блондинка, но все-таки села. — Я тебя внимательно слушаю. Зачем ты меня сюда пригла-

сил? — Она уставилась на него в упор, от напряжения глаза ее стали совсем прозрачными.

— Это я тебя слушаю. — Он закашлялся, лицо налилось кровью. — Объясни, будь добра, почему я не могу прийти? — пролаял он, схватил салфетку и шумно высморкался.

— Потому, что я тебя не приглашаю, — с вежливой улыбкой ответила женщина.

Мужчина шлепнул на стол пачку «Мальборо» с ментолом, долго не мог вытащить сигарету и прикурить. Каждое его движение казалось слишком резким и неловким. Он либо сильно нервничал, либо был болен, а возможно, и то и другое. Блондинка, напротив, выглядела здоровой и спокойной.

— Но я хочу прийти, — произнес он, затягиваясь и выпуская дым из ноздрей, — это же бред, Лиля! Что значит, ты не приглашаешь? Мы взрослые люди.

— Это ты взрослый? — Она засмеялась, сверкнув мелкими белоснежными зубками. — Ты взрослый? Ой, я тебя умоляю...

— Не вижу ничего смешного. Я уже купил подарок, и вообще, ты не имеешь никаких прав, по документам ты никто.

— Вот как? — Она склонила голову набок и высоко подняла брови. — Ну, если на то пошло, настоящие документы у меня, они в полном порядке, и в них твое имя нигде не зафиксировано. — Лиля залпом выпила воду. — Как раз ты никто, а я совсем наоборот. Скажи спасибо своей предприимчивой маме. Она все отлично устроила.

— Вот маму давай оставим в покое, — Он избегал смотреть ей в глаза и уставился в свою кофейную чашку, — сейчас не о ней речь. Допустим, ты не хочешь, чтобы я приходил. Что дальше?

— Дальше я собираюсь обращаться в официальные инстанции, заявлять о подлоге документов и не только. Есть кое-что более серьезное. Значительно более серьезное.

— Слушай, ты можешь выразаться яснее, без этих дурацких намеков?

— Пока не могу. Но обещаю, что скоро все мои неясные намеки прояснятся.

— Нет, а что произошло? Ты спокойно жила все эти годы и вдруг взорвалась ни с того ни с сего. В чем дело? Десять лет ситуация тебя полностью устраивала, а теперь ты собираешься обращаться, как ты выразилась, в официальные инстанции. В суд, что ли?

— Совершенно верно, в суд.

— И в чем ты нас обвиняешь?

— Тебя ни в чем. А вот матушку твою гениальную я обвиняю. И поверь, это очень серьезно.

— Ой, ну хватит. — Он махнул рукой. — Неужели тебе охота затевать всю эту бодягу, вмешивать кретинов-чиновников в наши семейные дела? В конце концов, все происходило по твоему молчаливому согласию. Тогда надо было думать, десять лет назад. А сейчас поздно и глупо.

— Да, — кивнула она, — поздно и глупо. Не спорю.

— Ну и зачем тебе это нужно? Объясни, чего ты хочешь, давай спокойно все обсудим, договоримся.

— Мы никогда не договоримся. — Блондинка потрянула короткими вьющимися волосами. — Я согласилась встретиться с тобой только потому, что мне тебя очень жаль. Но учти, эта жалость ничего в моих планах не изменит. И все, хватит об этом.

— Хватит?! — выкрикнул мужчина неожиданно визгливым голосом. — Что значит хватит? Ты долго будешь надо мной издеваться? Сидишь, спокойная, вежливая, и угрожаешь судом! — Он раздавил сигарету, обжег палец, поморщился и поднес его к губам. — Что мы тебе сделали? Десять лет никаких претензий, и тут вдруг, без всякого предупреждения...

— Не кричи, Олег, — в светло-серых глазах мелькнула жалость, — ты ничего мне не сделал, ты вообще вряд ли способен на какие-либо сознательные действия. А вот мама твоя... Ладно, я сказала, лучше не надо об этом. Я не издеваюсь над тобой. Пожалуйста, давай прекратим этот разговор. Ты слабый, глубоко несчастный человек, я уже сказала, мне тебя очень жаль. Прости, мне пора. — Она поднялась и, взглянув на него сверху вниз, тихо добавила: — Тебе лечиться надо, ты очень плохо выглядишь. Все, до свидания.

— Подожди. — Он поймал ее руку и потянул так резко, что она чуть не упала. — Сядь, ты ничего не объяснила, и главное, ты не объяснила, почему я не могу прийти?

— Потому, что это мой дом и я не хочу тебя там видеть. Если ты явишься, я просто не открою дверь.

— Господи, ну почему? — простонал он.

— А тебе не приходит в голову, что мне очень больно видеть тебя в своем доме? Да, ты ничего не сделал. Однако твоё бездействие было хуже преступления. Даже статья такая есть в Уголовном кодексе: оставление в беспомощном состоянии. Я знаю, ты был ещё беспомощней, чем Ольга, но её нет, а ты жив. Не приходи, очень тебя прошу.

— Значит, я виноват, что жив? Ну, прости, эту вину я искуплю. Не сейчас, конечно. Дай мне срок ещё лет двадцать или тридцать. Хорошо?

— Перестань, — устало вздохнула Лиля, — хотя бы сейчас не юродствуй.

Он открыл рот, помотал головой, привстал, опершись на стол, выпуклые карие глаза вспыхнули, что-то должно было сорваться с языка важное, резкое, но не сорвалось. Глаза угасли, медленно, как свет в кинотеатре.

— Возьми подарок, — буркнул он и достал из кармана маленький красный футляр, — здесь сережки золотые, она ведь любит всякие побрякушки.

— Спасибо. Это очень трогательно. Но у неё не проколоты уши, и вместо радости будет одно расстройство. А вот журнал я возьму. Никогда подобных изданий в руках не держала. Что значит «Блюм»?

— Ничего. Просто звучит красиво.

— Там есть твои статьи?

— Нет. Я же сказал, я заместитель главного редактора, сам пишу очень редко, — ответил он отрывистым механическим басом и впервые взглянул ей в глаза. — Лиля, десять лет назад твоя сестра покончила с собой. В этом никто не виноват. Я обещаю, что не появлюсь в твоём доме до тех пор, пока ты сама меня не пригласишь. Но ответь мне на единственный вопрос: что изменилось? Почему ты вдруг стала кого-то обвинять в её смерти?

Она ничего не ответила, аккуратно положила журнал в пакет, встала и ушла.

Олег смотрел ей вслед, губы его шевелились. Подошел официант, чтобы забрать чашку с остывшим, нетронутым кофе, и услышал:

— Гадина... сука... ненавижу...

А женщина, прежде чем покинуть кафе, зашла в туалет. Несколько минут она стояла перед зеркалом, закрыв глаза. Плечи ее вздрагивали, по щекам текли черные от туши слезы. Уборщица, сидевшая за столиком с вязанием в руках, посмотрела на нее и спросила:

— Доченька, тебе плохо?

— Ничего, соринка в глаз попала, — ответила Лиля, умылась холодной водой, потом, вытряхнув все содержимое из белой лаковой сумочки, стала приводить себя в порядок, подкрасила ресницы, губы, попудрилась, не глядя, бросила все назад, в сумку, и ушла.

* * *

В половине четвертого утра патрульная милицейская машина чуть не сбила женщину в пустом переулке. Район был спальный и считался сравнительно спокойным: никаких вокзалов, гостиниц, ночных клубов. Патрульная группа расслабилась. Только что кончилась гроза, на этот раз вялая, ленивая, но дождь все шел, и заметно похолодало. В салоне было тепло и уютно. У младшего лейтенанта Телечкина имелся двухлитровый термос с крепким кофе, у капитана Краснова была копченая курица. Собирались остановиться в каком-нибудь дворе и перекусить.

Женщина выросла из-под земли. Водитель едва успел притормозить. Маленькая, полная, она застыла посреди дороги и не двигалась, не реагировала на визг тормозов, ослепительный свет фар в лицо, крик водителя. На ней было надето что-то широкое, белое, и в мертвенном фонарном свете, в дрожащей пелене дождя она казалась привидением.

— Давай-ка, Коля, вылези, разберись, — приказал младшему лейтенанту Телечкину капитан Краснов.

— Обколотая или бухая, — проворчал Коля, — из-за такой дуры вылезать под дождь...

Приблизившись, он заметил, что это вовсе не взрослая женщина, а девчонка лет пятнадцати, босая, в каком-то балахоне, вроде халата или ночной рубашки.

— Ну точно, обколота, — повторил лейтенант и громко спросил: — Тебе что, жить надоело?

— Я убила тетю Лилю, — медленно произнесла девочка, глядя на лейтенанта сумасшедшими глазами. Она картавила, не выговаривала «л», голос у нее был звонкий, чистый, совсем детский.

— Чего?

— Второй Калужский переулок, дом восемь, корпус два, квартира сорок.

Телечкин стоял в глубокой луже и чувствовал, как пропитываются холодной влагой ботинки, как за шиворот капает дождь. Еще минута, и он промокнет насквозь. Взглянув на светящуюся табличку, прибитую к ближайшему дому, лейтенант прочитал: «1-й Калужский переулок».

— Ладно, пошли в машину, разберемся. — Он взял ее за локоть, она не сопротивлялась, покорно села в машину и громко повторила:

— Я убила тетю Лилю.

— Тебе сколько лет? — поинтересовался капитан Краснов и брезгливо поморщился. От девочки исходил странный запах, нет, не бомжовская вонь, что-то другое. «Лук, — догадался капитан, — репчатый лук. Для того чтобы так разило, надо полкило сожрать, не меньше. Закусывала она им, что ли?»

— Четырнадцать, — ответила девочка и, помолчав, добавила: — Коломеец Люся, восемьдесят пятого года.

— Так, и кого же ты убила, Люся Коломеец?

— Тетю Лилю. Второй Калужский переулок, дом восемь, корпус два, квартира сорок. Она там лежит на кухне в грязном халате, молчит и не шевелится. Надо «скорую» вызвать, но я боюсь врачей.

— А чего так? — спросил Телечкин с дурацким смешком.

— Уколы будут делать. Больно, — ответила девочка и задумчиво добавила: — Они злые, им нравится делать больно. Говорят, ничего, потерпи, а как терпеть, когда больно? Потом вообще руки-ноги сводит и в голове бурчит.

Сидевший за рулем сержант Сурков поймал в зеркале взгляд Краснова и выразительно закатил глаза.

— Бурчит обычно в животе, — заметил лейтенант Телечкин.

— Это если капусты много съешь, тогда да, в животе, — кивнула девочка, — а когда делают укол от плохого поведения, тогда в голове начинается, знаете, бурр-бурр, как будто там внутри что-то шевелится и хлюпает.

— Тетя Лиля тебе кто? — спросил после долгой паузы капитан Краснов.

— Как кто? Тетя. Мамы моей сестра.

— А мама где?

— Умерла, — сообщила девочка с легким вздохом, — еще давно, когда я маленькая была. Сначала мама, потом бабушка. Осталась одна тетя Лиля.

— Отец есть?

— Не-а. Никого нет. Только тетя Лиля.

— Так чего же ты тетю свою, родную-единственную, убила? — спросил Телечкин и сухо откашлялся.

Она не ответила.

Переулок был утыкан фонарями, машина ныряла из света в темноту, лицо девочки то вспыхивало, то исчезало, и лейтенанту стало не по себе. Он не мог толком разглядеть девочку, и ему вдруг пришло в голову, что она не совсем живая, что-то вроде зомби.

Луковый запах напоминал приторную трупную вонь, длинные волосы слиплись, глаза светились, как гнилушки, на лбу и на носу белели какие-то пятна, похожие на плесень. Голос, чистый, высокий, спокойный, с трогательной детской картавостью, звучал сам по себе, отдельно, словно принадлежал другому, более привлекательному существу.

«Меньше надо ужастиков смотреть, — раздраженно заметил про себя Телечкин, — ребенок как ребенок. Просто с головой не все в порядке, лицо какой-то мазью намазано и лук поедает в огромных количествах».

— Вот здесь направо, во двор, это дом восемь, корпус один, а корпус два следующий, — сообщила девочка и добавила: — Только вы первые идите. Я боюсь.

Дверь оказалась открытой. Везде горел свет. Пахло чистотой, лавандой и хорошим туалетным мылом. Это была обычная малогабаритная «распашонка» с крошечной прихожей и двумя смежными комнатами. На кухне, сквозь дверной проем, виднелись ноги в узорчатых шерстяных носках.

— Извините, вы не могли бы снять ботинки? На улице грязно, — звонко произнесла девочка и принялась старательно вытирать босые ступни о коврик.

— Чего? — переспросил Краснов и, взглядевшись в ее лицо, заметил на лбу и на носу белые пятна какой-то густой мази.

— Там тапочки в шкафчике. Тетя Лиля не разрешает в уличной обуви заходить в квартиру. Что вы на меня так смотрите? Это я пастой от прыщиков намазалась.

Больше она не сказала ни слова, прошла в комнату, села за стол, сложила руки на коленях и уставилась в одну точку. На вопросы не отвечала, словно оглохла. До приезда опергруппы и следователя решили ее не трогать. Лейтенант Телечкин отправился за понятыми.

Труп находился на кухне, в полусидячем положении. На вид убитой можно было дать лет сорок, не больше. Холеная, светловолосая, с гладким правильным лицом, она как будто просто села на пол, прислонившись спиной к батарее и вытянув ноги. На ней был теплый махровый халат и узорчатые пушистые носочки. На нежно-розовой мягкой ткани темнели огромные пятна крови. Судя по количеству крови, было нанесено не меньше десятка ножевых ранений. Тут же валялось орудие убийства — длинный кухонный нож с черной пластмассовой ручкой.

Дело не сулило никаких сложностей. Банальное бытовое убийство. Слабоумная девочка-подросток зарезала свою тетю и сама в этом призналась. Понятые, пожилая пара из соседней квартиры, сначала долго охали, потом сообщили шепотом, что Люся сирота, больна с рождения.

— Все ясенько, чистенько, никаких вопросов, — глубокомысленно заметил Краснов и вздохнул: — Мечта, а не трупик.

— Да уж, мечта, — эхом отозвался Телечкин и попробовал усмехнуться.

Вместо усмешки вышла безобразная гримаса. Встретившись взглядом со своим отражением в овальном зеркале, лейтенант окончательно скис. На физиономии его отчетливо читались страх, жалость к убитой женщине и прочие не поддающиеся описанию чувства, которые переполняли его душу, подступали к горлу и казались Коле Телечкину позорными для нормального мужика, а тем более — для милиционера.

Опергруппа прибыла через двадцать минут. И надо же такому случиться, что дежурным следователем оказался Илья Никитич Бородин. Он славился на весь округ поразительной способностью запутывать и усложнять самые простые дела. Маленький, полный, с тихим монотонным голосом, он своим интеллигентным занудством сводил с ума даже самых терпеливых оперативников и экспертов.

Едва переступив порог и поздоровавшись, Бородин пробормотал, что для такой кровавой резни слишком уж здесь чисто.

— Как это? — удивился трасолог. — Вон кровящи сколько. Просто на убитой халат из толстой мягкой ткани, почти вся кровь впиталась.

— Я не об этом, — глухим нудным голосом стал объяснять следователь, — покойница нормальная женщина, порядочная, чисто-плотная, видимо, законопослушная. К торговле и к прочему бизнесу вряд ли имела отношение. Достаток ниже среднего, если, конечно, в наше время существует понятие середины. Ограбление почти исключается, пьянка и пьяная драка исключаются совершенно, — он говорил очень тихо, как бы с самим собой, не обращая внимания на окружающих.

— Так это, — прошептал лейтенант Телечкин, склонившись к его уху, — девчонка убила, племянница. Она же сама призналась. Она больная, debilка вроде. Такие не соображают, что делают.

— Слушайте, а что вы шепчете? У вас первый насильственный труп в жизни? — спросил Бородин, чуть повысив голос.

— Первый, — признался лейтенант и судорожно сглотнул.

— Ну, я так и понял. Вы бледный, вас, вероятно, тошнит. — Следователь откровенно зевнул, прикрыв рот ладонью. Тяжелые веки делали его взгляд сонным, тусклым. Казалось, стоит старику при-